

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР НА РЕЛИГИЮ И ЦЕРКОВЬ В БЕЛАРУСИ В 1917 – 1925 ГГ.

БГУ, г. Минск

Взаимоотношения государства и религиозных организаций всегда являлись важным фактором социально-политического развития общества. Зачастую религия, церковные организации имеют решающее значение в формировании духовных, культурных и государственных традиций народов мира, являются весомым политическим институтом. Продвижение Республики Беларусь по пути укрепления независимого национального государства ставит в повестку дня вопрос о формировании идеологии белорусского государства, конфессиональная составляющая которой считается некоторыми исследователями одной из определяющих характеристик. Время показывает, что резкая либерализация деятельности религиозных организаций в 1990-е гг., с одной стороны, обеспечивала полную свободу совести, с другой, способствовала значительному распространению и усилению влияния сил чуждых идеалам и ценностям нашего народа. Подрыв положения исторических конфессий вызывает быстрое усиление новообразований. Именно это и пытались использовать в своих политических целях большевики. Понимая, что в борьбе за власть необходимо захватить не только материальные ресурсы, а и сформировать определенное мировоззрение населения, они уже с 1917 г. начали потакать тем религиозным течениям, которые готовы были вести войну с их главным идеологическим противником – Русской православной церковью. Однако подобного рода заигрывания были тактическим ходом. Задача была прежней – полное уничтожение религии и церкви. Насаждение атеизма ударило в первую очередь по состоянию духовного здоровья населения. Эхо антирелигиозной политики советского государства в 1920 – е гг. прошлого века остро ощущается и теперь. В этой связи представляется особенно важным и в научном, и политическом, и в воспитательном плане подробное изучение конфессиональной ситуации в республике в предыдущие периоды истории. Многие вопросы антирелигиозной деятельности советской власти носят дискуссионный характер.

Взаимоотношения партийно-государственных структур и церкви в СССР постоянно находились под пристальным вниманием как религиозных и общественных деятелей, политиков, так и исследователей. Вопрос о взаимоотношениях государства и церкви в рамках коммунистического общества поднимается уже более полутора столетия. В первую очередь это атеистическое наследие К. Маркса [1], Ф. Энгельса [2], В.И. Ленина [3]. Религия рассматривалась как проявление необразованности трудящихся масс, как «опиум народа». Именно на этих принципах и базировалась вся советская научная мысль по поставленной проблеме вплоть до начала 1990-х годов.

Основная масса постперестроечных исследований по данной проблематике базируется на ранее не использованных архивных документах и трудах, вышедших за рубежом (А. Карташов [4], Г. Голубцов [5], И. Стратонов [6], А. Мартос [7]). Авторы непосредственно по следам революционных событий пытаются осмыслить суть происходящего в России явления. С начала 1990-х гг. выходит ряд комплексных исследований по истории государственно-церковных отношений. Наибольший фактический материал отражен в трудах Д. Поспеловского [8], А. Нежного [9] и М. Одинцова [10]. В. Алексеев свой труд посвятил проблеме антирелигиозной деятельности комсомольцев, их месту и значению на общегосударственном атеистическом фронте [11].

Что касается исследований по теме в белорусской историографии, то следует назвать работы А. Круглова [12] и В. Новицкого [13]. Наибольший же интерес вызывает источниковая база исследования, а именно фонды Национального архива Республики Беларусь. Поскольку религия и церковь отыгрывали весьма важную роль в общественно-политической жизни страны, то все решения согласовывались с Антирелигиозной комиссией ЦК КП(б)Б и Агит-пропотделом ЦБ КП(б)Б. Именно фонды этих организаций дают наибольшую часть архивных документов.

После прихода к власти в октябре 1917 г. новое политическое руководство начало проводить жесткую минимизацию идеологической базы своих оппонентов. В первую очередь это касалось и религиозных организаций.

Декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» запрещалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях. Молодое поколение лишалось возможности регулярного целенаправленного изучения религиозных дисциплин при помощи представителей духовенства.

Вводились всякого рода ограничения и в преподавании религиозных дисциплин для граждан старше 18-ти лет. Инструкцией о проведении в жизнь Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» преподавание ограничивалось рамками специальных богословских заведений. Всячески ущемляя, вытесняя из жизни общества прежнюю систему образования, ее идеологическую основу политическое руководство страны начинает на место веры в Бога усиленно пропагандировать атеизм и веру в материализм. Большевики на практике начали внедрять коммунизм как религию, называя ее религией без «мнимых богов».

С установлением советской власти в Петрограде начала практиковаться система замены объектов религии объектами революции. Инструкцией НКЮ предписывалось: «В государственных (заводы, фабрики, школы и т. д.) и иных публично-правовых местах не допускается: б) помещение каких-либо религиозных изображений (икон, картин, статуй, крестов и т. д.)» [14, с. 10]. Даже из частных магазинов, столовых, мастерских, клиник необходимо было убрать соответствующие предметы. На место икон ставились портреты вождей большевиков, вместо креста употребляли звезду, вместо церковного песнопения – распевание революционных песен. Декретом СНК от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» передавалось рассмотрение этих вопросов гражданской власти. Все эти мероприятия должны были первым делом быть зафиксированы в органах местной власти, и только после этого мог пройти обряд крещения, венчания, либо отпевания усопшего.

Отодвигание религиозных обрядов на второй план либо попытки их полной ликвидации наталкивались на сопротивление населения. Антирелигиозникам пришлось противостоять громадному количеству людей с их давно устоявшимися

традициями и обычаями. «Религия и Церковь в России, – как отмечал в те годы православный ученый-историк А. Корташев, – подчинила своему вдохновению высшие достижения русской духовной культуры, ставшей мировой: литература, искусство и философская мысль были в своих глубинных достижениях христиански-православными» [15, с. 21]. Наиболее неприемлемой для христианского сознания была не экономика коммунизма, а мораль, требующая беспощадного истребления врага.

К VIII съезду РКП(б) Н. Бухарин в «Азбуке коммунизма» обосновал один из главных постулатов большевистской программы: «Религия и коммунизм не совместимы ни теоретически, ни практически» [16, с. 166]. Однако в руководстве партии к 1919 г. многие, в том числе В.И. Ленин, отчетливо осознавали, что одними резкими выпадами против церкви вопрос не решить. Это нашло отображение в постановлении VIII съезда: «РКП(б) руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и содержательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой отрицание религиозных предрассудков. Действовать надо организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [17, с. 112]. Несмотря на данное программное решение партии, ни сил, ни средств для подобной работы в 1919 г. в стране не было. Крайне мало имелось атеистически настроенных партийцев и комсомольцев, пригодных для такой кропотливой деятельности. На местах предпочитали либо резкие административные меры, либо вообще не занимались этим вопросам.

К началу 1921 г. на антирелигиозном фронте в советском государстве наступило определенное затишье. Способствовала этому и позиция В. И. Ленина, требовавшего от ЦК РКП(б) и лично В. Молотова «более корректной борьбы», и настроение в низах большевистской партии, где проявлялось серьезное сопротивление левацкому экстремизму [11, с. 29]. Стало ясно, что насадить социализм штурмовыми методами на российской почве невозможно. Не получалась и антицерковная атака, которая не могла принести значительных результатов по той простой причине, что вера – это не то, что

лежит на поверхности, она находится глубоко в сознании и туда с винтовкой или мандатом не доберешься. Откровенные гонения на церковь, в глазах недовольного политикой руководства страны населения, только увеличивали ее авторитет, создавая ореол мученичества, столь почитаемый в христианстве. И большинство граждан страны Советов, несмотря ни на какие ухищрения большевиков, тем не менее, продолжали испытывать потребность в религиозной вере.

Безусловно, отказаться от борьбы с религией и церковью коммунисты не могли, но многие дальновидные политики понимали, что тактику следует изменить. Потерпев неудачу на первом этапе антирелигиозной войны, сводившейся к «попоедству» и «богоборству», власти перешли на путь пропаганды, которая по замыслу В.И. Ленина «должна опираться на естествознание, проникнутое идеями воинствующего материализма» [18, с. 640]. Коммунистическое учение должно было завоевать в сознании народа главенствующее положение. Сделать это, после неудачной силовой попытки, большевики намеревались путем просвещения населения, поднятия общего уровня грамотности, обличения «буржуазной» сущности Бога и церкви. Агитпропработники начали организовывать клубы, секции, устраивать собрания, заседания. Основной кузницей руководителей коммунистов и агитаторов стали партийные школы.

В 1921 г. еще практически полностью отсутствовала научно-популярная литература антирелигиозного характера, имеющиеся образцы не отвечали нарастающим потребностям. Какой-то более-менее стройной системы антирелигиозной работы ожидать не приходилось. Предпринимались к этому лишь некоторые шаги. Самым ответственным участком антирелигиозной работы определялось крестьянство. В сельской местности организовывались беседы, примитивные лекции на темы засухи, неурожая и иных вопросов агрономии. Тесная их привязка к антирелигиозной пропаганде должна была показать слушателям их земное происхождение, возможность воздействия человека на природные процессы.

Для беспартийных рабочих на производстве, в клубах организовывались лекции научного характера, диспуты, театрализованные религиозные суды. Вскрывая земное происхождение Бога, буржуазный, эксплуататорский характер церковных организаций и религиозных праздников, антирелигиозники всегда противопоставляли им революционные праздники трудящихся, отвечающие духу и запросам времени.

Согласно решению XI съезда РКП(б) в избах-читальнях планировалось сосредоточить всю партийную, культурно-просветительскую. Зачастую под избы-читальни «по требованию трудящихся», ячеек КСМ, РКП(б) отводились либо культовые здания, либо принадлежащие им постройки. На заводах, фабриках создавались клубы, библиотеки с соответствующей пропагандистской литературой. В избах-читальнях, клубах должны были регулярно проводиться лекции, диспуты, театральные постановки на антирелигиозные темы.

Но похвастаться Агитпропу ЦК КП(б)Б, как и представителям подавляющего большинства таких же структур в СССР, в январе 1923 г. было нечем. За прошедшие годы, кроме кампаний по уничтожению духовенства и изъятию церковных ценностей, особых сдвигов не наблюдалось. В отчетах проверяющих уездные парторганизации просматривается довольно-таки неприглядная картина: «Клубная работа ведется безо всякой системы, библиотеки не удовлетворяют своему назначению, работа среди беспартийных ведется слабо» [19, л. 61]. Проверками обнаруживались нераспечатанными присланные месяц назад экземпляры газет. Несмотря на все усилия АПО при ЦБ КП(б)Б систематизировать антирелигиозную борьбу, и в Минске, и в уездах она оставалась периодичной, преобладали широко разрекламированные кампании типа «Комсомольское Рождество», «Комсомольская Пасха». Идея их проведения принадлежит еврейской молодежи города Минска, которую дружно подхватили в АПО ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ.

Главным организатором «Комсомольского Рождества» стал КСМ под пристальным вниманием РКП(б). В городах к 6, 7, 8 января 1923 г. была приготовлена большая шумная программа. Акценты молодыми рьяными

товарищами ставились на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, сатирические театральные постановки антирелигиозного содержания. Самые оголтелые комсомольские активисты переходили к прямой насмешке и угрозам духовенству и верующим. Серьезную смысловую нагрузку должны были нести лекции естественнонаучного и антирелигиозного содержания для рабочих и красноармейцев в клубах. Бесплатно также организовывались киносеансы с показом пропагандистских фильмов. ЦК РКСМ постановил: «Первый опыт массовых антирелигиозных праздников «Комсомольское Рождество» признать удавшимся» [20, с. 74]. С резкой критикой «шестивий и «маскарадов» выступил В.И. Ленин, назвав такие мероприятия озорством. Он отметил даже их «вредность для постановки систематической антирелигиозной пропаганды» и указал на «недопустимость оскорбительного отношения к верующим» [21, с. 77].

Однако вариантов эффективной борьбы с религией в умах лидеров партии и комсомола было немного. Высокая религиозность и национальные традиции стали громадным препятствием на пути пропаганды естествознания. Ни в ЦК партии, ни в ЦК комсомола весной 1923 г. не нашли альтернативы массовым мероприятиям, кампаниям типа «Комсомольского Рождества». Рождественского балагана высшее партийное руководство допустить не могло. В программе указывалось, что «категорически запрещается устройство каких-либо ни было уличных демонстраций и карнавалов, сосредоточить кампанию исключительно стенами клубов и предприятий» [20, с. 179]. Кампания «Комсомольской Пасхи» была более подготовленной, работа проводилась основательнее и глубже по сравнению с «Комсомольским Рождеством». Начинали по старинке с мероприятий, направленных на прямой подрыв авторитета духовенства и церкви через оскорбления и осмеяния. Совместно с ГПУ Белоруссии и НКВД Агитпропотделы собирали весь имеющийся компромат на священников для опубликования в местной и центральной прессе. Проводились вечера и циклы лекций по естествознанию о противоречии науки и религиозных верований. Порой на обсуждение и голосование выносился вопрос о существовании Бога.

Программа «Комсомольской Пасхи» непосредственно перед праздниками почти целиком касалась лишь партийных, комсомольских, профсоюзных, руководящих советских работников. Организаторы понимали, что привлечь даже слабо верующих рабочих к своим увеселительным мероприятиям во время Великого поста либо в субботний вечер перед Всенощной чрезвычайно трудно. Обязательной частью программ вечеров были доклады на тему «Пасха Христова и Первомайский праздник труда», а также постановки, носившие ярко выраженный антирелигиозный подтекст с оттенком сатиры оскорбительного характера, с прямой насмешкой над религией, духовенством и «непосредственно над носителями религии» [20, с. 181]. А вот самой популярной была «клубная часть», которая могла захватить широкие массы, дать выход активности. Песни, пляски собирали большое количество людей. Выполняли ли они основную задачу, несли ли отведенную смысловую нагрузку? ЦК РКСМ, первоначально считавший такие кампании удавшимися, позже был вынужден признать, что неумелое, нетактичное проведение таких мероприятий отталкивало от себя население, особенно взрослое, которое начинало «неодобрительно относиться ко всякой даже более серьезно поставленной антирелигиозной пропаганде» [9, с. 46]. На заседании ЦК КСМБ констатировалось: «Карнавал прошел успешно. Несколько слабее была пропагандистская сторона» [22, л. 56].

Антирелигиозная работа не была привлекательна для комсомольских и партийных работников. Не просматривалось близкой перспективы в достижении значимых результатов, за которые можно было получить соответствующий стимул, и антирелигиозная деятельность являлась непривлекательной. В отчетах о результатах проверок работы уездных партийных и комсомольских организаций практически в неизменном виде встречается фраза: «Антирелигиозная пропаганда ведется плохо» [23, л. 84]. Член ЦК КСМБ Карась, например, после поездки в Слуцк, отмечал следующее: «Комсомольцы борются во многих случаях танцульками, а сами секретари принимают участие в этих праздниках. Устраивают вечера без танцев, но без танцев ничего не движется» [23, л. 83].

Наиболее реальную картину могли дать только органы ОГПУ и НКВД в своих отчетах для Секретаря ЦК КП(б)Б. Отчеты же периферийных партийцев, желавших порой скрыть свою бездеятельность и некомпетентность, во многом искажали действительность. Некоторые, возможно, и не представляли себе сложившейся обстановки, как, например, из того же Слуцкого уезда отчет гласил: «Развал религии в деревне идет очень быстрым ходом, вести работу в этом направлении очень нетрудно, противодействия почти не встречаем» [23, л. 90]. Однако именно в Слуцке за контрреволюционную деятельность в этот период органами ГПУ Белоруссии впоследствии были привлечены к ответственности многие видные священнослужители [24].

Партийное руководство осознавало этот факт. Зимой 1924 г. И. Сталин, безусловно в контексте борьбы с левацким троцкизмом, в своем письме в губкомы требовал, чтобы всяческие хулиганские выходки в так называемой антирелигиозной пропаганде были отброшены и ликвидированы немедленно. Линию Сталина поддержал и XIII съезд РКП(б): «Необходимо решительно ликвидировать какие бы то ни было попытки борьбы с религиозными предрассудками мерами административными, вроде закрытия церквей, синагог, костелов, мечетей. Антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни. Центром пропаганды сделать школы и избы-читальни под руководством парторганизаций» [25, с. 63].

Решение это было принято в мае 1924 г., но уже зимой того же года в деятельности проактива в Беларуси преобладала именно такая позиция. Проведение шумных кампаний сворачивалось. На смену приходила уравновешенная антирелигиозная агитпрополитика. В деревне создавались «ударные пункты», куда бросались сразу целые агитколлективы. Деревенские партийные и комсомольские ячейки проводили в основном работу под лозунгом усиленной антирелигиозной пропаганды внутри своих организаций.

К 1924 г. антирелигиозная машина увязла в бюрократизме. Сложившаяся система отчетности отражала, в основном, внешнюю сторону работы, зачастую

упуская стратегический момент – уровень реального воздействия антирелигиозной пропаганды на массы. Да и бюрократические отчеты были не на высоте. По самой благополучной в антирелигиозном вопросе Могилевской области положение было не ахти. Тех же изб-читален «числилось 13, из них пять государственных, 8 договорных, фактически работало 9 изб-читален» [26, л. 52]. Многие зависело от финансовых возможностей. Отдельные помещения для клубов, изб-читален в 1924 г. были редкостью. Чаще всего они арендовались либо же находились в одном здании с другими органами власти и учреждениями. В отчете по той же Могилевской области находим, что «материальное положение изб-читален неважное». В храмах, там где они еще не были закрыты или ликвидированы, активно действовало духовенство, за незначительным исключением, добросовестно выполняя свой пастырский долг. И бороться за приверженцев с такими людьми, поддерживаемыми большинством населения, было архисложно. А посему и возникло множество перегибов на местах. ЦК РКП (б), осознавая всю вредность и опасность каких-либо резких административных мер в отношении церкви, не раз указывал в директиве под грифом «совершенно секретно» «на необходимость самого осторожного отношения к религиозным предрассудкам крестьянского и отсталой части рабочего населения» [20, с. 184].

Нарушения, несмотря на жесткую позицию руководства, грозившего виновным в невыполнении директив ЦК «привлечением к самой суровой партийной ответственности», были многочисленными. Даже постановления и решения ЦК РКП(б) в 1923–1924 гг. по этому вопросу выходили почти ежемесячно, а члены партии, виновные в нарушении этих постановлений, привлекались к ответственности.

Местные партийные, комсомольские лидеры вероятнее всего старались не афишировать подобные происшествия. В ЦК КП(б)Б такие сведения поступали чаще всего по результатам проверки центральных партийных комиссий и из Секретного отдела ГПУ Белоруссии. Нарушения директив высшего руководства было множество. К примеру, в августе 1924 г. ЦК КП(б)Б разбирал письмо по

факту проверки работы в Климовичах. Были вскрыты вопиющие безобразия творимые местными партийцами – пьянство, картежничество, половая распущенность, склонничество, совращение малолетних [27, л. 497]. Какими могли быть их методы антирелигиозной борьбы, была ли это глубокая естественнонаучная пропаганда? В таких условиях отношение к церкви, ее служителям, верующим было соответственным. В пьяном виде неадекватно воспринималось происходящее, борцы-партийцы оскорбляли, унижали духовенство, курили в храмах, сквернословили, да еще в придачу звонили по ночам в колокола, размахивая револьвером [27, л. 497]. Не отставали от старших товарищей и комсомольцы. По характеристике Мозырского Окружного отдела ГПУ Белоруссии «имеющие место действия членов КСМ являются крайне не нормальными» [28, л. 31]. Раззадоренные комсомольцы издевались над верующими сверстниками, оскорбляя их, требовали у верующих отдать им домашние иконы, если требования не удовлетворялись, то доставляли несогласных в милицию. Работники ГПУ заявляли в докладе в ЦБ КП(б)Б, что «отмеченные выступления членов КСМ абсолютно не достигали цели, весьма вредно отражаются на работе, проводимой по этой линии органами ГПУ» [28, л. 31].

Таким образом, 1925 г. должен был стать определенным рубежом в антирелигиозной борьбе большевиков. К концу 1924 г. экономическое положение, особенно крестьянства, сильно ухудшилось. Большой резонанс имели выступления народа против советской власти. Поводом была и непродуманная антирелигиозная работа. Белорусскими партийными и комсомольскими организациями были пересмотрены планы антирелигиозной работы. Не придавала импульса данной деятельности внутривластная борьба в Кремле. Различные группировки по разному подходили к решению религиозного вопроса. Любая самостоятельность на местах была неуместна. Попытка навязать населению новое атеистическое мировоззрение, построенное на исключительном господстве технических норм с устранением всех других

способов не состоялась. За семь лет правления советской власти большевики еще сильнее укрепились в мысли о вреде и пагубности религиозных верований для их строя. Однако решение такой глобальной задачи, как атеистическое перевоспитание, в тяжелых экономических условиях оказалось для Советов невыполнимым. Переосмысление всех событий и результатов войны с религией и церковью проходило в рамках жесткой коммунистической идеологии и не менее жесткой исторической реальности. Партийное руководство в центре и на местах, пройдя уже этапы острой конфронтации с духовенством и церковью, а затем разрозненного агитпропнаступления, сделало вывод, что только при помощи колоссального усилия всей идеологической системы, всего госаппарата можно добиться существенного результата. Это, в свою очередь, требовало создания громадного штата антирелигиозников-пропагандистов, их методического и материального обеспечения. Такими возможностями государство в то время не располагало, и потому наступил негласный перерыв на антирелигиозном фронте.

Список цитируемых источников:

1. *Маркс, К.* К критике гегелевской философии права. Введение /К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – Т. 1. – 412 с.
2. *Энгельс, Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1957. – 347 с.
3. *Ленин, В. И.* Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. — Т. 17. — С. 415–426.
4. *Карташев, А.* Церковь и государство / А. Карташев. – YMGA-PRES 1932. – 87 с.
5. *Голубцов, Г.* Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор // Российская Церковь в годы революции (1917-1918) / Г. Голубцов. – М.: Круцицкое патриаршее подворье, 1995. – 231- с.

6. *Стратонов, И. А.* Русская церковная смута 1921–1931 гг. / И.А. Стратонов. // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. – М.: Круцицкое патриаршее подворье, 1995. – 245-401 с.
7. *Мартос, А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Буэнос-Айрес, Аргентина. 1966. Репринт: Минск: Белорусский экзархат Русской Православной Церкви, 1990. –237 с.
8. *Поспеловский, Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
9. *Нежный, А.* Комиссар дьявола / А. Нежный. – М.: Протестант, 1993. – 243 с.
10. *Одинцов, М. И.* Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 325 с.
11. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
12. *Круглов, А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии / А.А. Круглов – Минск: Беларусь, 1989. – 328 с.
13. *Навіцкі, У. І.* Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30 - я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева , У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
14. *Гидулянов, В. П.* Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сборник Узаконений и Распоряжений с разъяснениями VIII Отдела НКЮ / В.П. Гидулянов; Под ред. П. А. Красикова. – М.: Типография ГПУ, 1923. – 78 с.
15. *Карташев, А.* Церковь и государство / А. Карташев. – YMGA-PRES 1932. – 57 с.
16. *Бухарин, Н.* Азбука коммунизма / Н. Бухарин, Е. Преображенский – Самара: 1920. – 43 с.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-198) – 9-е изд. доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 2. – 367 с.

18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 – Оп. 1. – Д. 559.
19. *Шахнович, М. И.* Ленин и проблемы атеизма / М.И. Шахнович. – М.: Изд. Акад. наук СССР, 1961. – 447 с.
20. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд. Библейско-Богословского института святого апостола Андрея, 1996. – 311 с.
21. *Воронцов, Г. В.* Массовый атеизм: Становление и развитие / Г.В. Воронцов. – Л.: Лениздат, 1983. – 211 с.
22. НАРБ. Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 19.
23. НАРБ. Ф. 4. – Оп. 1 – Д. 22.
24. Архив КГБ РБ.
25. О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документы КПСС и Советского государства. – Минск: Беларусь, 1983. – 223 с.
26. НАРБ. Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 34.
27. НАРБ. Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 19.
28. НАРБ. Ф. 4. – Оп. 7. – Д. 3.